

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 800:159.9

¹Логвина С.А.

¹Курский государственный университет

Когнитивно-прагматические основания дискурсивной природы эвфемизма

Аннотация: в настоящем исследовании предлагается методологическое осмысление эвфемизма как динамичного, контекстуально обусловленного и функционально нагруженного феномена, выходящего за рамки традиционного лексико-семантического подхода. Эвфемизм рассматривается не как изолированная языковая единица, а как элемент более широкого коммуникативного процесса, воплощённого в форме эвфемистического дискурса. В статье предлагается новое понимание эвфемистического дискурса, под которым понимается совокупность языковых, когнитивных и прагматических стратегий, направленных на смягчение, обход и адаптацию социально чувствительной информации в условиях модальных и нормативных ограничений.

В рамках когнитивно-дискурсивного и прагматического подходов эвфемизм анализируется как средство коммуникативной регуляции, обеспечивающее баланс между личным аффектом, институциональнойдержанностью и требованиями публичной приемлемости. В качестве эмпирической базы используется фрагмент интервью принца Гарри, насыщенный эвфемистическими стратегиями, отражающими механизм адаптации речевого поведения в условиях публичной уязвимости и социальной напряжённости. Анализ показал, что эвфемизация в данном контексте выполняет не только коммуникативную, но и репрезентативную и этико-защитную функции, демонстрируя потенциал эвфемистического дискурса как многоуровневой формы символического взаимодействия.

Ключевые слова: эвфемистический дискурс, когнитивно-прагматический подход, номинация, стратегии речевого смягчения, дискурсивная репрезентация, социально чувствительное содержание

Для цитирования: Логвина С.А. Когнитивно-прагматические основания дискурсивной природы эвфемизма // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 144 – 157.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Logvina S.A.

¹Kursk State University

Cognitive-pragmatic foundations of the discursive nature of euphemism

Abstract: this study offers a methodological rethinking of euphemism as a dynamic, context-dependent, and functionally charged phenomenon that extends beyond the traditional lexical-semantic approach. Euphemism is viewed not as an isolated linguistic unit, but as an element of a broader communicative process embodied in the form of euphemistic discourse. The article proposes a new understanding of euphemistic discourse, defined as a set of linguistic, cognitive, and pragmatic strategies aimed at mitigating, circumventing, and adapting socially sensitive information within modal and normative constraints.

Within the framework of cognitive-discursive and pragmatic approaches, euphemism is analyzed as a means of communicative regulation, ensuring a balance between personal affect, institutional restraint, and the demands of public acceptability. As an empirical basis, the article examines a fragment from an interview with Prince Harry, rich in euphemistic strategies that illustrate the mechanisms of adapting speech behavior in conditions of public vulnerability.

bility and social tension. The analysis demonstrates that euphemization in this context serves not only a communicative but also a representational and ethical-protective function, highlighting the potential of euphemistic discourse as a multi-layered form of symbolic interaction.

Keywords: euphemistic discourse, cognitive-pragmatic approach, nomination, mitigation strategies, discursive representation, socially sensitive content

For citation: Logvina S.A. Cognitive-pragmatic foundations of the discursive nature of euphemism. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 144 – 157.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Эвфемизм представляет собой сложный лингво-культурный феномен, вызывающий устойчивый интерес исследовательского сообщества благодаря своей способности отражать, модулировать и направлять речевое поведение в соответствии с нормативными ожиданиями социокультурной среды. Как форма речевой адаптации, эвфемизм функционирует преимущественно в зонах социальной чувствительности, где прямое номинирование объекта может вступать в противоречие с этическими, коммуникативными и культурными установками. В таких случаях эвфемистические конструкции позволяют соблюсти баланс между необходимостью эксплицитного высказывания и требованиями вежливости, такта, нормативной приемлемости и риторической умеренности. В условиях усиливающейся социокультурной полисемии и усложняющейся коммуникации эвфемизм приобретает особую значимость как средство гармонизации межличностного и институционального общения. Кроме того, важным представляется вывод о сущностном понимании исследуемого феномена в качестве «продукта целой серии семантических и/или структурных преобразований» [2, с. 58]. Это особенно важно при контекстном анализе эвфемизма, включающем в себя референтные связи системных и экстралингвистических параметров.

Современные исследования эвфемизма постепенно выходят за рамки узколексикографической интерпретации, сосредотачиваясь на изучении его прагматических функций, дискурсивной динамики и когнитивных механизмов порождения и восприятия. Такой сдвиг акцентов обусловлен необходимостью учитывать коммуникативный контекст, намерения участников общения и культурные регуляторы речевого поведения, а также открывает перспективы к более точному описанию механизмов смыслового смещения, реляционной структуры эвфемистической номинации и факторов, определяющих допустимость речевого выбора в той или иной коммуникативной ситуации. Вследствие этого возрастает значимость анализа эвфемизма не только как языкового знака, но и как когнитивной и прагматической стратегии, встроенной в сложные структуры социального взаимодействия, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы – проанализировать эвфемизм не как статичную лексическую единицу, а как динамический элемент дискурсивной практики, формирующийся в процессе речевого взаимодействия и структурируемый интенциями коммуникантов, их социальными ролями, институциональными рамками и прагматическими целями. Такой подход позволяет рассматривать эвфемизм в составе более широкой коммуникативной конструкции – эвфемистического дискурса, функционирующего как комплекс стратегий смыслового смягчения в условиях социальной и этической чувствительности. Методологическая база исследования включает положения когнитивной лингвистики, теории дискурса, теории речевых актов, концепции «лица» и фреймового анализа. Научная новизна исследования заключается в смещении фокуса с трактовки эвфемизма как лексико-семантической единицы к его интерпретации в рамках когнитивно-дискурсивного и прагматико-реляционного подхода. Эвфемизм рассматривается как функциональная языковая структура, формируемая в условиях модальной и нормативной ограниченности речевого пространства.

Материалы и методы исследований

Несмотря на длительную историю изучения, эвфемизм остаётся понятием с размытыми границами, о чём свидетельствует отсутствие научного консенсуса относительно его точного определения и классификации. В условиях междисциплинарного подхода и на стыке когнитивной лингвистики, прагматики и социолингвистики современные исследователи всё чаще указывают на парадоксальные, но концептуально значимые свойства эвфемизма, которые задают новое направление в его осмыслении.

Во-первых, эвфемизм – это не категория самого слова (не является априорным свойством самого слова), а результат речевого употребления, зависящий от прагматического контекста, коммуникативной установки и модальности (Allan и Burridge, 1991). Во-вторых, эффект эвфемизации может быть достигнут и без

устойчивых эвфемистических лексем, путём грамматических, синтаксических, интонационных и дискурсивных средств (интонация, метафора, перифраз, умолчание и т.д.) (Burridge, 1998, Fairclough, 1995 и Brown&Levinson, 1987). В-третьих, эвфемизм представляет собой не столько набор выражений, сколько совокупность стратегий смыслового переоформления, реализуемых в конкретной речевой ситуации (выбор, смещение, подмена, обход, маскирование и переосмысление) [4, 9].

В связи с этим представляется оправданным введение понятия эвфемистического дискурса как аналитической категории, позволяющей рассматривать эвфемизм не в изоляции, а в рамках широкой системы речевого взаимодействия. Понятие эвфемистического дискурса включает совокупность речевых практик, направленных на реализацию эвфемистических стратегий в конкретных контекстах общения. Эвфемистический дискурс возникает в тех ситуациях, когда требуется соблюдение норм речевой этики, социального такта и коммуникативной деликатности. Он охватывает не только выбор отдельных лексических единиц, но и структурирует высказывания, аргументацию, стилистическую подачу и даже интонационно-прагматический настрой высказывания. Таким образом, эвфемистический дискурс, как нам представляется, это не просто набор слов-замен, а целостная система речевых актов, когнитивных сценариев и прагматических стратегий, направленных на снижение коммуникативного риска и управление социальной воспринимаемостью сказанного.

Методологическая база настоящего исследования строится на интеграции когнитивного, прагматического и дискурсивного подходов, обеспечивающих многоаспектное рассмотрение эвфемистического дискурса. В качестве основного объекта изучения рассматривается эвфемизм как динамическая единица речевого действия, включённая в широкий контекст социально регулируемой коммуникации.

Исследование опирается на положения когнитивной лингвистики (Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В., Кубрякова Е.С.), позволяющие рассматривать эвфемизм как репрезентанта специфического типа знания (евфемистического знания), функционирующего в системе культурных сценариев и фреймов. Принимая во внимание теоретические постулаты данного подхода, в нашем исследовании применяются методы концептуального анализа, фреймовой семантики и реконструкции когнитивных моделей.

В рамках когнитивно-прагматического подхода эвфемизм нами трактуется не как изолированная языковая единица, а как динамический элемент смыслового конструирования, встроенный в процессы концептуализации и регуляции межличностного взаимодействия, а также как результат активизации специфического типа языковой компетенции, основанной на эвфемистическом знании. Под этим знанием понимаем совокупность когнитивных, прагматических и социокультурных представлений, позволяющих говорящему распознавать, интерпретировать и применять эвфемистические конструкции в соответствии с требованиями коммуникативной уместности, речевого такта и модальной допустимости.

В рамках авторского подхода эвфемистическое знание включает в себя:

- когнитивное осознание стигматизирующего характера определённых номинаций;
- прагматическое понимание условий речевой деликатности и возможных стратегий её реализации;
- дискурсивные навыки адаптации выражения к типу общения и роли адресата;
- культурные нормы политкорректности и речевой этики, определяющие допустимый регистр.

Таким образом, эвфемистическая репрезентация становится возможной лишь в той мере, в какой участники коммуникации обладают разделяемым эвфемистическим знанием – то есть способностью ориентироваться в семиотических ограничениях, определяющих допустимые формы выражения в рамках конкретного социоречевого пространства.

Метод концептуального анализа позволяет выявить базовые смысловые оппозиции, лежащие в основе эвфемистического замещения, а также зафиксировать семантические зоны социальной чувствительности, в которых активируются стратегии косвенного называния. Эвфемизм в этом контексте интерпретируется как языковое выражение, модифицирующее способ доступа к стигматизированному концепту, при этом поддерживая логическую и когнитивную связность.

Фреймовая семантика даёт возможность рассматривать эвфемизм как маркер когнитивного фрейма, то есть репрезентативной структуры, организующей интерпретацию референта. Эвфемистическая номинация, как правило, переводит фокус с центральных компонентов исходного фрейма на периферийные или допустимые с точки зрения речевой нормы [8], тем самым снижая коммуникативное напряжение и обеспечивая модальную приемлемость.

Теория фреймов в данном исследовании используется не только как описательный, но прежде всего, как конструирующий инструмент когнитивного моделирования, позволяющий структурировать эвфемистическое знание и выделять релевантные смысловые связи после получения и первичного анализа языкового материала. Фреймовая реконструкция направлена на выявление типовых когнитивных сценариев, лежащих

в основе эвфемизации, а также на моделирование тех интенционально значимых аспектов контекста, которые определяют выбор эвфемистических стратегий в конкретных коммуникативных ситуациях.

На основе фреймового анализа осуществляется также реконструкция когнитивных моделей, позволяющая «восстановить» ментальные схемы, в рамках которых эвфемистическое выражение формируется в зависимости от интенции говорящего, контекста и социокультурной нормы. Именно на этом уровне особенно значимым становится понятие реляционного вектора, представляющего собой направленную семантическую связь между табуируемым содержанием и допустимой формой его языкового выражения. Такой вектор задаёт траекторию смыслового смещения, регулируемого pragmatically и социокультурно, и проявляет реляционный характер эвфемизма – как единицы, соотносящей референт, норму, адресата и речевую интенцию «здесь, и сейчас». Именно совокупность подобных реляционных связей, опосредующих выбор формулировки и интерпретацию эвфемистических выражений, и составляет основу того, что в данном исследовании определяется как эвфемистическое знание – когнитивный ресурс, позволяющий субъекту осознавать, конструировать и регулировать способы репрезентации социально чувствительных смыслов в соответствии с актуальными нормами и контекстуальными ограничениями.

Применение методов концептуального анализа, фреймовой семантики и реконструкции когнитивных моделей позволяет описать эвфемизм не только как лексико-семантическое явление, но и как динамическую языковую функцию, управляющую смысловым выбором в условиях модальной ограниченности и социальной чувствительности речи.

В данном исследовании pragmatischekий подход реализуется через анализ речевых актов (в частности, косвенных иллокутивных актов), стратегии вежливости (positive / negative politeness) и перлокутивного воздействия (Ларина Т.В., Арутюнова Н.Д., Саакян А.Р. и др.). Эвфемизм рассматривается как инструмент смягчения потенциально конфликтных высказываний, а его функционирование – в рамках конвенционализированных сценариев обхода и сокрытия.

Прагматический подход к эвфемизму исходит из того, что языковое выражение «не просто обозначает определённую реальность» [3, с. 721], но и выполняет коммуникативное действие, направленное на достижение конкретного эффекта – этического, психологического, социального. В этой парадигме эвфемизм рассматривается не как лексическая подстановка, а как интенционально мотивированный речевой акт, реализующийся в условиях модального ограничения и нормативной чувствительности.

С прагматической точки зрения, в настоящем исследовании эвфемистический дискурс определяется как совокупность речевых практик, ориентированных на минимизацию коммуникативного конфликта, смягчение социальной остроты высказывания и согласование формы выражения с ожиданиями адресата. В таком контексте эвфемизм рассматривается как средство речевой адаптации, регулирующее взаимодействие между говорящим и слушающим в условиях потенциальной деликатности и ценностной чувствительности коммуникации.

В рамках предлагаемого в данной статье прагматического анализа эвфемистического дискурса особую значимость, по мнению автора, приобретают следующие параметры:

- Интенция говорящего: эвфемизм формируется в зависимости от коммуникативной цели – будь то обход, защита, сглаживание, замещение, деликатность, репозиционирование смысла или удержание нормы.
- Принцип кооперации (Грайс): эвфемизм может осознанно нарушать максиму ясности или прямоты, но не ради искажения смысла, а ради социальной гармонизации общения, деликатного обхода острых тем.
- Речевая стратегия: эвфемизм используется как инструмент смягчённой импликации, при которой говорящий передаёт информацию косвенно, рассчитывая на интерпретационную компетенцию адресата.
- Полилогическая соотнесённость: эвфемистический дискурс встроен в социокультурное поле, где значение выражения зависит не только от говорящего, но и от пресуппозиции, контекста и идеологических рамок.
- Речевая этика и вежливость: эвфемизм соотносится с категориями лингвистической вежливости (Brown&Levinson) и реализует стратегии сохранения "лица" (face-saving), особенно в межличностном и институциональном общении.
- Роль адресата: понимание и принятие эвфемистической формы зависят от эвфемистического знания адресата – его способности интерпретировать сообщение как приемлемое, корректное, деликатное или ироничное. Эвфемизм, таким образом, адресуется не только факту, но и реакции на него [6, 7].

В условиях прагматически ориентированного дискурса эвфемизм выполняет реляционную функцию, согласующую смысл высказывания с речевой нормой и социокультурным ожиданием. Его интерпретация требует от адресата наличия эвфемистического знания, «способности декодировать непрямое» [5, с. 167], но прагматически мотивированное сообщение, вписанное в контекст взаимодействия.

В дополнение к применяемым в работе методам концептуального анализа, фреймовой семантики и реконструкции когнитивных моделей, дискурсивный анализ рассматривается в данном исследовании как очередной метод исследования эвфемистического дискурса (Фуко М., Фэрклоу Н., Т. ван Дейк, Карасик В.И., Арутюнова Н.Д. и др.). Такой подход ориентирован на рассмотрение эвфемизма не как автономной текстовой единицы, а как элемента эвфемистического дискурса – разновидности речевого действия, функционирующего в конкретных коммуникативных условиях и подчинённого совокупности социальных, модальных и прагматических регуляторов. Это обусловлено тем, что прагматическая природа эвфемизма изначально предполагает его контекстуальную зависимость: эвфемистическое значение не фиксировано в языке как таковом, оно возникает и актуализируется в процессе коммуникации. Следовательно, эвфемизм нельзя рассматривать как стабильную единицу системы, он представляет собой интерактивный смысловой выбор, который осуществляется с учётом социальных норм, ролей участников, модальных установок и прагматических ожиданий аудитории. Именно в рамках дискурсивного подхода появляется возможность анализировать, каким образом эвфемизм управляет смысловым пространством коммуникации и обеспечивает баланс между передачей информации и соблюдением этических норм общения.

В настоящем исследовании в качестве исходного положения принимается постулат о том, что принципиальное различие между текстом и дискурсом состоит в следующем: текст представляет собой формально организованную вербальную структуру (устную или письменную), обладающую когезией, завершённостью и синтаксической автономией. В отличие от этого, дискурс – это динамическая коммуникативная деятельность, включающая не только языковое содержание, но и интенциональную структуру, ролевые позиции участников, институциональные рамки, культурный контекст и потенциальные социальные эффекты высказывания. Дискурс, таким образом, представляет собой язык в действии, где форма и содержание соотносятся с контекстом, стратегиями говорящего и нормами коммуникативной допустимости.

Исходя из изложенного выше эвфемизм выступает в качестве ядерного понятия эвфемистического дискурса, поскольку, оставаясь лексемой, принадлежащей языковой системе, он одновременно обладает семиотической связью с дискурсивным пространством. Такая двойственная природа позволяет эвфемизму функционировать как мост между системными языковыми ресурсами и контекстуально обусловленными стратегиями коммуникации, интегрируя лексический выбор в более широкий процесс дискурсивного регулирования смыслов. Эвфемистическая номинация в этой парадигме теряет универсальность и приобретает контекстуально обусловленную функцию, становясь инструментом этического, модального и прагматического регулирования речевого взаимодействия. Значение и коммуникативный эффект эвфемизма формируются не в отрыве, а исключительно в границах конкретного дискурсивного события – интервью, публичного выступления, политического заявления или частной коммуникации. В таких условиях эвфемизм функционирует не как нейтральная лексическая замена, а как целенаправленный речевой акт, обеспечивающий смягчение, обход, маскирование или адаптацию социально чувствительного содержания.

Соответственно, эвфемистический дискурс следует рассматривать как многоуровневую коммуникативную модель, включающую когнитивную стратегию осмыслиения табуированной или конфликтной информации, прагматическую реализацию речевых намерений и социальную функцию сохранения гармонии, этикета и «лица» (в терминах Брауна и Левинсона). В нём эвфемизм выступает не как цель, а как инструмент смыслового маневрирования, регулирующий отношения между говорящим, адресатом и предметом речи в рамках культурно чувствительного контекста.

Эмпирическая часть исследования основана на анализе фрагмента интервью принца Гарри – представителя британской королевской семьи, чья публичная речь осуществляется в условиях высокой социальной напряжённости, глобального медиавнимания и институциональной репрезентативности. Подробности конфликта, обсуждаемого в интервью, а также его участники широко известны мировой аудитории, что формирует особую коммуникативную и эмоциональную нагрузку высказывания. В результате интервью приобретает статус акта публичного самораскрытия, требующего соблюдения стратегий речевой осторожности, управления имиджем и балансирования между личной откровенностью и институциональнойдержанностью. В рамках этого анализа используются методы качественного контент-анализа и корпусного подхода, направленные на выявление стратегий эвфемизации и описание их когнитивных оснований в контексте публичной и институциональной коммуникации.

Результаты и обсуждения

Для подтверждения и иллюстрации ключевых теоретических положений, изложенных в статье, в качестве эмпирического материала было выбрано интервью принца Гарри, которое интерпретируется нами как фрагмент эвфемистического дискурса, функционирующего в публичном и медиатизированном социальном регистре, где особую роль играют нормы политкорректности, риторика самоконтроля, а также стратегиче-

ское управление образом говорящего. Эвфемизм в данном контексте выступает не только как способ смягчения конфликтных тем, но и как инструмент деликатной репрезентации личной позиции в рамках культурно чувствительного и символически перегруженного контекста.

Прагма-когнитивная специфика исследуемого фрагмента во многом определяется особым эмотивным состоянием интервьюируемого: интервью было дано вскорости после проигранного судебного разбирательства, что значительно повлияло на речевую стратегию и модальность высказывания. С позиции психолингвистики такое состояние характеризуется высокой степенью аффективной вовлечённости, внутренним напряжением и необходимостью когнитивного контроля за формируемыми суждениями.

Так, на вопрос интервьюера: «How are you feeling about this decision...because clearly you have two children—Archie, Lilibet—they're not able to see their grandfather, their uncle, their cousins—in a way that you feel is safe for them. So what's your feelings, kind of, moving forward? Is there any way that this could be resolved?» (переводсангл. -Что вы думаете об этом решении... ведь, очевидно, у вас двое детей – Арчи, Лилибет – они не могут видеться со своим дедушкой, дядей, кузенами так, как вы считаете безопасным для них. Итак, какие у вас ощущения по поводу дальнейшего движения вперед? Можно ли как-то решить эту проблему?) (переводы здесь и далее выполнены нами- С. Логвина) интервьюируемый дает весьма развернутый и затяжной по времени ответ.

Prince Harry: Um... (pause 1.0s) the only—I mean, firstly— (pause 0.8s) I—yeah, you know— (pause 0.6s) I—I'm—I'm—I'm devastated. (pause 1.0s) Um—not so much as devastated as with the... with the loss— (pause 1.0s) that I am about the people behind the decision— (pause 1.5s) um—feeling as though this is... okay. (pause 1.2s)

You know— (pause 0.8s) I don't— (pause 0.5s) is it a win for them? (pause 0.8s) Is it a win that—you know—that I don't get the protection that the— (pause 1.0s) threats and risks and impact... facts... say that I should? (pause 1.3s) Um—I would hope they wouldn't consider it a win. (pause 1.0s) And I'm sure there's some people out there— (pause 0.5s) probably—most—most likely the people that wish me harm— (pause 1.0s) consider this a huge win. (pause 1.0s) Um—but you know—I've— (pause 0.8s) this is—there—there have been so many... (pause 1.0s) uh—disagreements, differences between me and... (pause 0.8s) uh—some of my family. (pause 1.2s) Um—this current situation that has been on—now—ongoing for five years— (pause 1.0s) with regard to, um—human life and safety— (pause 1.0s) is the sticking point. (pause 0.8s)

It is the only thing that's left. (pause 1.0s) Um—of course some members of my family will never forgive me for writing a book. (pause 1.2s) Um—of course they will never forgive me for lots of things. (pause 1.0s) But you know— (pause 0.7s) there is—I would—I would—I would love— (pause 0.4s) I would love reconciliation with my family. (pause 1.3s) I've always—I've—you know— (pause 0.8s) there's no point in... in—in continuing to fight anymore. (pause 1.0s) As I said—life is precious. (pause 1.0s) Um—I don't know how much longer my father has. (pause 1.2s) Um—you know—he—uh— (pause 0.8s) he—he won't speak to me because of this security stuff. (pause 1.0s) Um—but it would be nice to— (pause 0.5s) it would—nice—it would be nice to rec—reconcile. (pause 1.2s) As I learned through—uh— (pause 0.6s) through the First Nations throughout—uh— (pause 0.7s) Canada—because of the Invictus Games— (pause 0.8s) their—uh—their goal in life was always truth and reconciliation. (pause 1.2s) And I turned around to them in many conversations. I said – «Right. But reconciliation can't come without truth». (pause 1.5s) Well—I've now found out the truth. (pause 1.0s) Um—I've shared some of it with you today. (pause 1.0s) A lot of it exists out there— (pause 0.5s) whether people choose to ignore it or not. (pause 0.8s)

Um—you know— (pause 0.7s) so it would be nice to have that reconciliation part now. (pause 1.2s) Um—if they don't want that, that's entirely up to them. (pause 1.3s)—And now that this court battle is over, do you feel you will be able to approach your father and speak about some of those issues? I mean— (pause 0.5s) if—if— (pause 0.6s) if—no—I think—I don't think he would ever want to talk about it. (pause 1.0s) I think he would just push it aside. (pause 0.8s)

And—and the—you know—the argument will continue to be: «This is a government decision». (pause 1.2s) It may well be a government decision. (pause 1.0s) Um—but how did they reach that decision? (pause 1.0s) You know— (pause 0.5s) when the RAVEC chair—the first place that they went to— (pause 0.7s) was the—was the palace— (pause 0.8s) to understand what it is that the royal household—or what the royal family—want for me. (pause 1.2s) I have never, ever been allowed or—uh— (pause 0.8s) offered to make my own representations. (pause 1.0s) Not in 2020—and not for the last five years. (pause 1.0s) And the new RAVEC chair continues to avoid answering some very specific questions that I have. (pause 1.2s) [11].

Обсуждая глубокий семейный конфликт, разрешённый не в его пользу в судебном порядке, интервьюируемый в самом начале высказывания характеризует своё состояние как: «I—I'm—I'm—I'm devastated. Um—not so much as devastated as with the... with the loss—» («Я-я-я-я опустошён. Эм... не столько опусто-

шён, сколько из-за... потери...»). Повторение местоимения I и паузы с наполнителями (um) указывают на высокий уровень эмоционального напряжения, внутреннюю дезорганизацию и когнитивный поиск допустимой речевой формы в условиях публичной уязвимости. Выбор слова *devastated* (опустошён), а не более экспрессивных или агрессивных форм вроде *angry*, *furious* или *enraged*, свидетельствует о стремлении говорящего дистанцироваться от прямой конфронтации и отразить состояние внутренней травматизации без вовлечения в открытое обвинение. Эвфемистическая стратегия здесь выступает как инструмент прагматической оптимизации дискурса, обеспечивающий модальное смягчение высказывания и соответствие социальным ожиданиям аудитории.

Сравнение переживаемого состояния с утратой, в том числе с потенциальной аллюзией на смерть, подчеркивает глубину эмоционального удара, однако говорящий намеренно избегает персонализации: ни оппоненты, ни конкретные решения не получают оценочной характеристики. Это особенно заметно в следующей реплике: «*Um – I would hope they wouldn't consider it a win*» («Я надеюсь, они не воспримут это как победу»). Такая формулировка сочетает мягкую модальность (*I would hope*) и эвфемистическое смещение ответственности (*they* без уточнения), позволяя выразить несогласие с исходом ситуации, не переходя к обвинению, что демонстрирует прагматическую позицию говорящего, направленную на вежливое дистанцирование и минимизацию конфликта. В данном случае прагматизм речевого выбора заключается в том, чтобы выразить несогласие с исходом ситуации без перехода к открытому обвинению, сохраняя тем самым социально приемлемый тон и соответствующую нормам публичного дискурса.

В последующем фрагменте – «*um – feeling as though this is... okay*» («чувствую, что всё это... в порядке») – говорящий снова демонстрирует нерешительность, неуверенность и невозможность подобрать адекватную вербальную форму для описания собственных переживаний. Финальное *okay* выступает здесь как формула нейтрализации, стремление снизить уровень аффективной экспрессии и удержать речь в пределах приемлемой публичной модальности. При этом важно отметить, что эвфемистическую функцию здесь выполняет не одна лексема, а целый речевой фрагмент, в котором паузирование, самокоррекция и размытое модальное завершение (*okay*) образуют единую эвфемистическую единицу, которая участвует в формировании эвфемистического дискурса в целом, влияя на дискурсивную динамику высказывания и задавая тональность взаимодействия. В этом аспекте проявляется важная характеристика эвфемистического дискурса: способность формироваться не только за счёт отдельных слов, но и через композиционно-речевые конструкции, организующие восприятие и интерпретацию сказанного в социально приемлемом ключе.

На уровне выражение «*this security stuff*» («этот вопрос с безопасностью» или «эта история с охраной») представляет собой пример сниженной номинации, смягчающей восприятие социально и эмоционально значимой темы – утраты государственной охраны, ставшей центральным пунктом в судебном разбирательстве. Употребление обобщённого и разговорного слова *stuff* вместо более точных и формальных терминов (*security services, protection measures, legal battle over security*) выполняет сразу несколько стратегических функций в рамках эвфемистического дискурса.

С одной стороны, это речевой приём дистанцирования, позволяющий говорящему нейтрализовать эмоциональную и правовую значимость обсуждаемой проблемы, избежав открытого акцента на травматичном или уничижительном содержании. С другой стороны, разговорный регистр (*stuff*) создаёт эффект обыденности и снижает уровень формальной напряжённости – как в собственных переживаниях, так и в восприятии слушателей. Это позволяет перевести остро политизированную и институционально чувствительную тему в сферу более легитимной частной обеспокоенности, в которой говорящий выглядит скорее уязвимым, чем обвиняющим.

Такая формулировка свидетельствует о попытке когнитивной переработки аффективного опыта через его вербальное смягчение и смысловую редукцию. Вместо чёткой артикуляции претензий или фактов, субъект предпочитает использовать обобщённую и неформальную лексику, выполняющую регулятивную функцию – она защищает как от усиления эмоционального дистресса, так и от усиления конфликта.

Таким образом, «*this security stuff*» функционирует как эвфемистическая формула, скрывающая остроту проблемы и заменяющая прямую конфронтацию с системой на нарратив субъективной обеспокоенности, вписанный в рамки сдержанного публичного высказывания. Важно подчеркнуть, что выбор подобной формулировки детерминируется не только внешними прагматическими установками, но и когнитивными механизмами, активирующими на уровне внутренней речи. На этом этапе существенную роль играют психолингвистические факторы – в частности, возраст, гендер, социальный статус и ролевая позиция коммуниканта, – которые влияют на способы концептуализации и последующего языкового оформления эвфемистической стратегии. «Это объясняется тем, что исследуемый феномен не является частью одного единственного канала, но представляет собой продукт их совместной реализации в рамках лингвосемиотиче-

ской деривации» [1, с. 25]. Таким образом, в данном примере эвфемизация проявляется как результат комплексного взаимодействия когнитивных, психолингвистических и прагматических параметров, обеспечивающих адаптацию дискурса к требованиям публичной коммуникации.

Высказывание «*some members of my family will never forgive me for writing a book*» («некоторые члены моей семьи никогда меня не простят за написание книги») представляет собой многослойную эвфемистическую конструкцию, содержащую как минимум три значимых коммуникативно-прагматических смягчения. Во-первых, употребление выражения *some members of my family* вместо более категоричного *my whole family* или упоминания конкретных лиц позволяет избежать прямого персонализированного обвинения и минимизировать эффект отчуждения внутри семейного круга. Во-вторых, нейтральная формулировка «*writing a book*» отсылает к мемуарам «*Spare*» («Запасной»), содержащим острые откровения, вызвавшие широкий общественный резонанс; однако сама конструкция намеренно опускает название и контекст, тем самым снижая эмоциональную напряжённость. В-третьих, фраза «*will never forgive me*» замещает более резкое «*they hate me*» или другие формы прямого осуждения, позволяя сохранить эмоциональную дистанцию и избежать открытой конфронтации. Таким образом, высказывание реализует стратегию эвфемистического обхода, маскируя потенциально обвинительный и травматичный характер суждения посредством смягчённой, модально-нейтральной лексики.

Высказывание «*there's no point in continuing to fight any more*» (перевод: «нет смысла продолжать борьбу дальше») представляет собой характерный пример стратегии редукции конфронтационного потенциала высказывания и реализации эвфемистического умиротворения. С формальной точки зрения, конструкция оформлена как рациональное суждение, в котором эмоционально окрашенное действие *fight* («бороться») лишается прагматической мотивации (*there's no point*), тем самым сводя к минимуму конфликтный заряд. Такая формулировка сигнализирует о стремлении к завершению фазы открытого противостояния, переходу к саморегуляции и поиску легитимации собственной позиции через логику «выхода из борьбы», а не «поражения».

Кроме того, использование обобщённой конструкции без уточнения адресатов или причин конфликта (*continuing to fight* без субъекта и объекта) позволяет избежать конкретизации и персонализации, что усиливает эффект речевой нейтрализации. Такая структура также создаёт образ говорящего как примиряющей стороны, готовой прекратить эскалацию ради сохранения эмоционального баланса и морального контроля. Таким образом, данное высказывание выполняет сразу несколько функций: эвфемистическую (смягчение), регулятивную (снижение эмоциональной эскалации) и презентативную (создание образа рационального, миролюбивого субъекта). В рамках эвфемистического дискурса это соответствует стратегии «интерпретативного ухода» – сознательной переформулировке конфликтной ситуации в терминах исчерпанности, а не непримиримости.

Фраза «*he won't speak to me*» («он не разговаривает со мной») представляет собой смягчённую форму выражения социального и эмоционального разрыва, в которой конфронтационный подтекст значительно редуцирован. Вместо прямого указания на конфликт, отвержение или разрыв отношений (например, *he has cut me off*, *we are estranged*, *he hates me*), говорящий использует описательную конструкцию, обозначающую отказ от общения как факт, но не как обвинение или эмоциональную травму.

С прагматической точки зрения, такая формулировка выполняет функцию межличностного самосохранения: она позволяет сохранить лицо как говорящего, так и адресата (в терминологии Brown&Levinson – стратегия негативной вежливости). Это указывает на стремление дистанцироваться от стигмы, связанной с ситуацией отторжения, сохраняя при этом нейтральный, констатирующий тон. Отсутствие очевидных причинно-следственных связей (не указывается, почему не говорит) и избегание оценочной лексики свидетельствуют о выборе речевой стратегии «приглушённой экспрессии».

Таким образом, «*he won't speak to me*» функционирует как эвфемистическая формула, скрывающая глубину и характер конфликта за внешне нейтральной констатацией, при этом имплицитируя эмоциональную отчуждённость и осложненную коммуникацию. Это выражение типично для эвфемистического дискурса, в котором присутствует необходимость сохранения социального имиджа, самоконтроля и модального смягчения при освещении межличностных конфликтов в публичной сфере.

Выражения «*the decision*» («решение») и «*those behind the decision*» («те, кто стоит за решением») представляют собой примеры безличностной, имплицитной номинации, позволяющей говорящему обсуждать источник угрозы, давления или несправедливости, не переходя к прямому указанию на конкретных акторов. Такая стратегия – типичная форма эвфемизации, направленная на снижение остроты высказывания за счёт распыления ответственности и смягчения персонального обвинения.

Подобные конструкции сигнализируют о внутреннем конфликте говорящего между потребностью выразить недовольство и необходимостью соблюдения речевых норм, исключающих открытую конфронтацию. Использование неопределённых обозначений (*decision, those*) позволяет сохранить модальный контроль над ситуацией и создать пространство для интерпретации, где угроза или давление ощущаются, но не артикулируются напрямую.

Кроме того, такие выражения выполняют важную дискурсивную функцию: они позволяют сконструировать нарратив отчуждения, несправедливости или потери влияния, не нарушая рамки институциональной лояльности или семейной этики. В публично значимом высказывании подобные формулировки служат стратегией косвенного обвинения – своего рода «переноса вины» в абстрактное пространство, где ответственность существует, но не имеет чётких очертаний.

Таким образом, «*the decision*» и «*those behind the decision*» представляют собой элементы дискурсивного маскирования, выполняющие как коммуникативно-смягчающую, так и репутационно-защитную функцию, особенно в условиях публичной уязвимости и институциональной зависимости говорящего.

Наряду с широким спектром эвфемистических конструкций, интервьюируемый систематически использует лексемы и высказывания, демонстрирующие стремление к примирению и эмоциональной реабилитации. Характерными примерами являются:

«I would love reconciliation with my family («Я бы очень хотел примирения с семьёй»);

«It would be nice to reconcile...» («Было бы хорошо помириться...»);

«But reconciliation can't come without truth» («Но примирение невозможно без правды»).

Эти фразы функционируют в рамках эвфемистического дискурса, поскольку позволяют говорящему затрагивать болезненные и потенциально конфликтные темы, избегая при этом прямого обвинительного тона. Особенno показателен пример «*differences between me and some of my family*» («разногласия между мной и некоторыми членами моей семьи»), где явный конфликт редуцируется до нейтрального *differences*, а персональная направленность смягчается неопределённой ссылкой на *some of my family*. Это позволяет сохранить тон уважения и избежать открытой конфронтации, несмотря на очевидную глубину разрыва.

Таким образом, стремление к примирению и лексическая презентация «надежды» на восстановление отношений интегрируются в общий эвфемистический дискурс, в котором доминируют осторожность, неопределенность и эмоциональное самосодерживание как защитные и презентативные стратегии эвфемистического дискурса.

В качестве стратегии эмоционального смягчения рассмотрим положительно-оценочную лексику. Речь интервьюируемого характеризуется активным использованием положительно-маркированной лексики – прилагательных, наречий и глаголов с явно позитивной семантикой (*love, nice, precious, hope, beautiful, kind, important* и др.). Такая лексика выполняет важную эвфемистическую и эмоционально-регулятивную функцию: она позволяет говорящему обсуждать острые или травматичные темы в смягчённом, примирительном ключе, не прибегая к прямым обвинениям или жёсткой критике.

Примеры:

«I would love reconciliation with my family» – глагол *love* (не нейтральное *like*) вводит нарочито эмоционально положительный вектор, контрастирующий с контекстом конфликта и акцентируя намерение на восстановление, а не на эскалацию.

«Life is precious» – прилагательное *precious* («ценный») придаёт высказыванию универсальный гуманистический оттенок, смешая фокус с конкретных обвинений на более высокие ценности.

«It would be nice to reconcile...» – прилагательное *nice* маркирует желание гармонии, но избегает категоричных утверждений или требований, создавая эффект деликатной надежды.

Дополнительное смягчающее воздействие оказывает употребление положительно окрашенных интенсивирующих наречий – «*really*», «*so*», «*always*», «*absolutely*» и др. Эти элементы усиливают эмоциональную экспрессию без использования грубой, конфликтной лексики, выполняя функцию интонационного усиления без негативной коннотации.

Примеры:

«I really hope for understanding» – наречие *really* маркирует глубину переживания, сохраняя при этом мягкость интонации.

«It's always been about love» – *always* добавляет устойчивость и искренность высказыванию, дистанцируя его от временных эмоций или обвинений.

Таким образом, положительно-оценочная лексика в совокупности с эмоционально смягчающими наречиями формирует дискурсивную стратегию эмоционального примирения.

Особого внимания заслуживают грамматические конструкции, направленные на эвфемизацию содержания высказывания, смягчение эмоциональной экспрессии и реализацию стратегии речевого самоконтроля. Интервьюируемый регулярно прибегает к модальным глаголам (would, could, might) и неопределенным субъективным формулировкам, которые позволяют ему избегать категоричных утверждений, создавать эффект гипотетичности и оставлять пространство для интерпретации. Примеры таких выражений включают: «I would hope...», «It would be nice to reconcile...», «Some people out there...», «I don't think he would ever want to talk about it...», «That's entirely up to them». Такие конструкции играют ключевую роль в формировании стратегии вежливого дистанцирования и переноса ответственности: говорящий уходит от прямых оценок и обвинений, возлагая интерпретацию ситуации на адресата или внешние обстоятельства. Употребление формата «that's up to them» («это зависит от них») позволяет выразить личную позицию, не нарушая этических норм и не провоцируя открытую конфронтацию.

Модальные глаголы в сочетании с условными и вежливо-смягчёнными конструкциями выполняют также психолингвистическую функцию защиты: создают безопасную дистанцию между говорящим и травматичным содержанием; маркируют эмоционально сложные темы как гипотетические или внешне обусловленные; и позволяют выразить обиду, разочарование или надежду в рамках допустимой речевой модальности.

Специфические грамматические структуры с признаками нарушения линейности. Речь интервьюируемого характеризуется высоким уровнем синтаксической нестабильности, проявляющейся в повторах, эллиптических конструкциях, незавершённых фразах и прерываниях синтаксической развертки. Примеры: «I would – I would – I would love...» «If – if – if we could just...» «I mean, I don't... I don't think he'd ever want to talk about it...». На первый взгляд такие формы могут быть интерпретированы как проявление нерешительности или речевой дезорганизации, однако в действительности они выполняют ряд значимых коммуникативных и психолингвистических функций в рамках эвфемистического дискурса.

Во-первых, повтор и синтаксическое удвоение (I would – I would...) служат механизмом когнитивной коррекции, позволяя говорящему отрегулировать формулировку до социально приемлемой, менее конфликтной версии. Это особенно важно при затрагивании чувствительных тем, когда необходим тщательный отбор лексики и структур, чтобы не нарушить норму публичной вежливости и не спровоцировать негативную реакцию.

Во-вторых, эллиптические и незавершённые конструкции (if – if – if..., I don't...) создают эффект самоудерживания, как если бы говорящий сознательно останавливает себя на грани высказывания чего-то слишком резкого, личного или недопустимого. Такие паузы и прерывания указывают на внутреннюю борьбу между эмоциональной реакцией и стратегией речевого контроля.

В-третьих, данные нарушения линейности создают интонационный ритм доверительности – они приближают речь к спонтанной, «живой» форме высказывания, что способствует усилению эффекта искренности. В условиях публичной уязвимости это повышает воспринимаемую достоверность и снижает вероятность негативной интерпретации высказывания.

Таким образом, подобные синтаксические особенности нельзя рассматривать как простые ошибки или следствия речевой неуверенности. Это – сознательно активируемые грамматические средства эвфемизации, которые позволяют смягчить высказывание, структурно адаптируя его под нормы речевой этики, социального тонкого и эмоционального самоконтроля.

Паузы и фрагментированная структура речи. Речь интервьюируемого отличается рваной интонационно-синтаксической организацией, насыщенной паузами, повторениями и обрывами фраз: «I would... I would love – I would love reconciliation...», «If they don't want that... that's entirely up to them...».

Такая насыщенная и достаточно длительная (как показал скрипт интервью фиксируется значительное количество пауз со средней длительностью около 0,7 секунды) паузация выполняет несколько важных функций: сигнал внутреннего самоконтроля – паузы служат своеобразными «запинками», во время которых говорящий как бы фильтрует формулировки, «пропуская» потенциально резкие или эмоционально конфликтные высказывания. Поиск социально приемлемой формы – колебания отражают когнитивную обработку материала в режиме реального времени, обусловленную необходимостью соблюдения норм публичного высказывания, особенно учитывая статус говорящего как представителя британской монархии. Конструирование искренности – фрагментированность и нерешительность в речи создают эффект аутентичного переживания, эмоциональной подлинности, что, в свою очередь, усиливает восприятие речевого акта как честного и неагрессивного.

Так, паузы и синтаксические обрывы работают в системе эвфемистического дискурса как структурные механизмы речевой саморегуляции, позволяющие балансировать между личной травмой и публичной деликатностью.

Речь интервьюируемого также изобилует типичными элементами спонтанного говорения, междометными конструкциями и вводными формулировками, такими как «um», «youknow», «I mean», «well», «I guess» и другие. Эти элементы, традиционно рассматриваемые в лингвистике как прагматические маркеры смягчения (hedging), выполняют в контексте интервью не просто вспомогательную, а функционально значимую роль в рамках эвфемистической речевой стратегии. Они способствуют регулированию высказывания в условиях публичной уязвимости, смягчая акценты, снижая конфронтационную нагрузку и обеспечивая гибкость речевой позиции.

Основные коммуникативные функции указанных прагматических элементов включают:

- Нейтрализацию категоричности – использование маркеров неопределенности и модальных конструкций («maybe», «probably», «I don't think») позволяет говорящему избегать жестких оценок и демонстрировать открытость, сомнение или рефлексивность. Это особенно важно в условиях, когда любое твердое утверждение может быть воспринято как обвинение или провокация.

- Эмоциональную защиту – вводные и междометийные элементы формируют когнитивное расстояние между эмоционально насыщенным содержанием и его вербализацией, что способствует снижению риска аффективной реакции и обеспечивает контроль над просодической организацией высказывания. Особенно ярко эта функция проявляется в упоминаниях «чувствительных» тем – отношений с отцом, лишения охраны, публичного давления.

Использование подобных конструкций придаёт высказыванию черты межличностной аутентичности и эмоциональной открытости, способствует снижению коммуникативных барьеров и повышает воспринимаемую искренность речи. В результате усиливается вовлечённость адресата в процесс осмысливания содержания и формируется позитивный образ говорящего как открытого, доброжелательного и социально эмпатичного коммуниканта. Уклонение от прямой конфронтации – нерешительность, выраженная через повторения, вводные слова и замедления темпа, позволяет говорящему обходить потенциально конфликтные формулировки, не вступая в прямой полемический контакт с оппонентами. Это важная часть стратегии сохранения «лица» в эвфемистическом дискурсе. Рассмотрим на примерах:

«But, you know, it would be nice to reconcile...» – конструкция «you know» не несёт новой информации, но способствует смягчению интонации и включению адресата в эмоциональный контекст высказывания.

«Well, I've now found out the truth...» – вводное слово «well» создаёт ощущение спонтанности и подготовки к признанию сложного факта, смягчая его восприятие.

«I don't... I don't think he'd ever want to talk about it...» – повторы и модальное «don't think» демонстрируют нерешительность и деликатное избегание прямого обвинения.

Таким образом, междометия, модальные выражения и речевые «паузы» выполняют не просто вспомогательную, а стратегически значимую функцию в структуре эвфемистического дискурса. Они обеспечивают баланс между аффективной откровенностью и прагматической сдержанностью, что особенно важно в условиях публичного самораскрытия и институциональных ограничений. Речевая нерешительность, выраженная через междометия, вводные слова и смягчающие конструкции, служит механизмом когнитивно-эмоциональной регуляции, встроенным в эвфемистический дискурс и отражающим как коммуникативные, так и психологические особенности высказывания.

Активность текстового уровня в эвфемистическом дискурсе способна репрезентировать смысловые противопоставления смысловые противопоставления (тема-рематическое варьирование), формирующие основу эвфемистической стратегии говорящего в интервью. Эти антиномии задают фрейм структурирования дискурса, в котором интервьюируемый противопоставляет формализованные, институциональные элементы – базовым человеческим ценностям и эмоциональным переживаниям. Характерные пары оппозиций включают:

- «судебный процесс» ↔ «семья»,
- «государственное решение» ↔ «личная безопасность»,
- «роль» ↔ «жизнь»,
- «официальный статус» ↔ «человеческая ценность»,
- «институция» ↔ «родина» и «отец».

Эти бинарные структуры позволяют говорящему не предъявлять претензии напрямую, а интерпретировать конфликт как столкновение двух несовместимых мировоззрений – институционального и личностного. Таким образом, речь строится не как прямая жалоба или обвинение, а как драматизированное свидетельство внутреннего конфликта, завуалированное под участие в широкой общественной дискуссии о справедливости, безопасности, достоинстве и границах личного и публичного.

Данная структура высказывания реализует стратегию морального фрейминга, в рамках которого говорящий апеллирует не столько к частной боли, сколько к универсальным ценностям. Это позволяет формировать образ не «обиженного сына» или проигравшего истца, а обличителя структурной несправедливости, при этом избегая прямых обвинений в адрес конкретных лиц.

Такие противопоставления служат не только семантическими осями высказывания, но и важнейшим инструментом эвфемизации: они позволяют перенести эмоциональный фокус с личной травмы на общественно значимые смыслы, оформляя частную драму в формате деликатного, но содержательно насыщенного публичного высказывания.

Наряду с тема-рематическим переключением: в пределах одного высказывания происходит смещение фокуса с политического на гуманистическое, с индивидуального – на общественно значимое, интервьюируемый использует ряд дополнительных риторических приёмов, направленных на структурирование дискурса и снижение конфликтного потенциала высказывания эвфемистическом дискурсе.

Таким образом, уже на уровне структурных особенностей высказывания и риторической организации речи становятся заметны характерные приёмы, с помощью которых говорящий смягчает восприятие проблемных тем, регулирует эмоциональный фон коммуникации и опосредует смысловые акценты.

В совокупности такие приёмы формируют стратегический компонент эвфемистического дискурса, который реализуется через многообразие речевых и pragматических тактик. Далее рассмотрим наиболее типичные стратегии эвфемистического дискурса.

Тактика подведения итогов. Фразы типа «This is the only thing that's left» («Это всё, что осталось») и «That speaks volumes» («Это говорит о многом») функционируют как смысловые коды завершения, подводящие итог сказанному и одновременно создающие эмоционально сдержанный аккорд в finale. Они позволяют закрыть высказывание без острой эмоциональной экспрессии, заменяя категоричный вывод на нейтрально-медитативную формулировку.

Тактика комплимента / эмпатийного вложения. Высказывания вроде «Life is precious», «I love my country», «I would hope they wouldn't consider it a win» содержат личностно окрашенные, позитивные формулировки, которые играют роль эмоциональных буферов. Они позволяют сместить акцент с конфликта на ценностные ориентиры – любовь, заботу, надежду. Это формирует образ говорящего как морально уравновешенного и человечного субъекта, что снижает градус возможных обвинений и усиливает доверие аудитории.

Тактика разрушения стереотипа / институционального мифа.

Интервьюируемый последовательно противопоставляет официальной позиции необходимость обеспечения безопасности как базовую человеческую потребность, а не привилегию, вытекающую из социального статуса. Такой подход дестабилизирует традиционное институциональное представление, согласно которому защита предоставляется как знак принадлежности к иерархии. Через это противопоставление интервьюируемый утверждает право на защиту как универсальную норму, а не как монархический атрибут.

Комбинация лексических эвфемизмов, паузации, междометий и модальных смягчений, и разноплановых речевых стратегий в речи интервьюируемого создаёт текст высокого эвфемистического потенциала. Его речь – это не просто рассказ о конфликте, а взвешенная дискурсивная стратегия, направленная на снижение коммуникативной остроты, сохранение ролевой вежливости и формирование позитивного социального образа при обсуждении чувствительных тем.

Выводы

В ходе проведённого исследования мы приходим к заключению, что эвфемистический дискурс представляет собой сложное, многослойное и интерактивно обусловленное коммуникативное явление, формирующееся через отбор и применение как вербализованных, так и невербализованных средств, предназначенных для презентации социальной или психологической реальности, ограниченной в возможности открытого выражения по этическим, институциональным или культурным причинам.

В рамках когнитивно-прагматического анализа эвфемизм рассматривается не как ограниченный лексический феномен, а как система многоуровневого смыслового маневрирования, направленная на обеспечение речевого баланса в условиях повышенной эмоциональной и социальной чувствительности. Этот вывод подтверждён результатами эмпирического анализа интервью, продемонстрировавшими практическую реализацию указанных стратегий.

Особенностью эвфемизма как части эвфемистического дискурса является его нелинейная и распределённая форма выражения, при которой нарушается традиционная структура высказывания, а коммуникативный смысл распределяется между различными уровнями: вербальными, паралингвистическими и контекстуальными компонентами. В результате эвфемистический дискурс выходит за рамки исключительно лингвистиче-

ского пространства и реализуется на уровне речевых актов и дискурсивных сценариев, формируя сверхтекстовую структуру, включающую участников общения, их роли, цели и контекст взаимодействия.

Показательно, что в публичной речи – особенно в ситуациях социальной уязвимости и институционального давления – эвфемистический дискурс выполняет не только коммуникативную, но и репрезентативную и этическую функции. Он позволяет говорящему смягчать высказывание, сохраняя при этом содержательную насыщенность, управлять восприятием собственной позиции и избегать прямых конфликтов, тем самым выступая важнейшим инструментом речевой адаптации в сложных коммуникативных условиях.

Список источников

1. Зубкова О.С. Диалектика амбивалентного языкового знака с позиции лингвосемиотической деривации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 22 – 26.
2. Зубкова О.С., Логвина С.А. Актуальные тенденции и закономерности развития эвфемии. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. 206 с.
3. Зубова Л.В. Мода на эвфемизмы и ее последствия // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 715 – 729.
4. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskiy analiz idiom, zadadok, poslovic i pogovorok. Antroponimicheskiy kod kultury. M., 2019. 400 c.
5. Orlova O.S. Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: the principle of indirect nomination. M.: Lenand, 2022. 240 c.
6. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Conceptual aspects of multimodal euphemization (based on English-language Internet advertising related to the consumption of alcoholic beverages). Cognitive studies of language. 2024. № 2-1 (58). С. 565 – 568.
7. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Metonymic models of euphemization in languages of different structures. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. No. 10 (878). P. 72 – 76.
8. Radbil T.B. Metalinguistic commentary “in a good sense (of the word)” as a mechanism of evaluative interpretation in the Internet media discourse. Language – speech – text in Internet communication: collection of scientific articles. N. Novgorod: Publishing house of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023. P. 79 – 87.
9. Saakyan L.N., Severskaya O.I. Euphemism in intercultural communication // Vostochno-europейский вестник. 2015. № 3. С. 75 – 81.
10. Perez C. Augusto Euphemisms and Political Correctness // Linguistic and Literary Broad Research and Innovation. 2024. Vol. 13. Iss. 1. P. 7 – 16.
11. Видео интервью: «Prince Harry tells BBC he wants ‘reconciliation’ with Royal Family | BBC News». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m1eUXtSbJUE>.

References

1. Zubkova O.S. Dialectics of an ambivalent linguistic sign from the standpoint of linguosemiotic derivation. Theory of language and intercultural communication. 2012. No. 2 (12). P. 22 – 26.
2. Zubkova O.S., Logvina S.A. Current trends and patterns of development of euphemism. Kursk: Publishing house of ZAO "Universitetskaya kniga", 2022. 206 p.
3. Zubova L.V. Fashion for euphemisms and its consequences. Communicative studies. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 715 – 729.
4. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskiy analiz idiom, zadadok, poslovic i pogovorok. Antroponimicheskiy kod kultury. M., 2019. 400 p.
5. Orlova O.S. Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: the principle of indirect nomination. M.: Lenand, 2022. 240 p.
6. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Conceptual aspects of multimodal euphemization (based on English-language Internet advertising related to the consumption of alcoholic beverages). Cognitive studies of language. 2024. № 2-1 (58). P. 565 – 568.
7. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Metonymic models of euphemization in languages of different structures. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. No. 10 (878). P. 72 – 76.
8. Radbil T.B. Metalinguistic commentary “in a good sense (of the word)” as a mechanism of evaluative interpretation in the Internet media discourse. Language – speech – text in Internet communication: collection of scientific articles. N. Novgorod: Publishing house of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023. P. 79 – 87.

9. Saakyan L.N., Severskaya O.I. Euphemia in intercultural communication. Upper Volga Philological Bulletin. 2015. No. 3. P. 75 – 81.
10. Perez C. Augusto Euphemisms and Political Correctness. Linguistic and Literary Broad Research and Innovation. 2024. Vol. 13. Iss. 1. P. 7 – 16.
11. Video interview: “Prince Harry tells BBC he wants ‘reconciliation’ with Royal Family | BBC News”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m1eUXtSbJUE>.

Информация об авторах

Логвина С.А., кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков, Курский государственный университет, г. Курск, svet.logvina@mail.ru

© Логвина С.А., 2025